

ДЖЕЛИЛЬ КИЕКБАЕВ (Уфа)

О ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В УРАЛО-АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Языковеды прошлого века часто писали о неразвитости той или другой грамматической категории в урало-алтайских языках, в том числе и о неразвитости артикля.¹ Объясняется это, очевидно, тем, что, во-первых, эти ученые были склонны культурно-экономическую неразвитость многих урало-алтайских народов в прошлом механически переносить на грамматический строй их языков, во-вторых, грамматическая категория определенности и неопределенности сводилась только к артиклю и тем самым подход к этой категории был узкоконтекстуальным с позиции западно-европейских языков, в-третьих, в прошлом веке урало-алтайские языки были мало изучены.

Однако языковые факты свидетельствуют о том, что грамматическая категория определенности и неопределенности в урало-алтайских языках представляет собой чрезвычайно сложную картину. Сложность ее заключается в том, что эта категория пронизывает всю грамматическую систему упомянутых языков; она строго взаимосвязана и одновременно отражается в сфере глагола и имени. Эта сложная картина может быть выяснена лишь в том случае, если урало-алтайские языки будут рассматриваться как единая система.

Синтаксический способ определенности и неопределенности заключается в том, что местоимение со значением 'тот' перед существительным указывает на определенность, а числительное со значением 'один' — на неопределенность предмета. В этом отношении между урало-алтайскими и западно-европейскими языками существует типологическое сходство: когда предмет неизвестен и упоминается в речи впервые, употребляется неопределенный артикль, а когда о предмете уже шла речь и он известен, перед существительным ставится определенный артикль, например: венг. *Élt egyszor egy király. Volt a királynak három fia*² 'Жил однажды один король. Было у (того) короля три сына', или нем. *Es lebte einmal ein König. Der König hatte drei Söhne*; башк. *Элек бер батша йәшәгән... Ул батшаның*³ *өс улы булган*, ногайск. *Бурун бир йигит болган. Сол йигитти бир карт шакырткан*⁴ 'Прежде был один добрый молодец. Доброго молодца (того) по-

¹ М. Ряснен, *Материалы по исторической фонетике тюркских языков*, Москва 1955, стр. 17—18.

² Е. Kolozsvári Grandpierre, *A Csodafurulya. Magyar népmesék*, Budapest 1961, стр. 5.

³ Заднеязычный назальный звук по техническим причинам передан соответствующим фонетическим знаком *ŋ*.

⁴ Н. А. Баскаков, *Ногайский язык и его диалекты*, Москва 1940, стр. 191.

звал один старик', или нем. *Einmal war ein Recke. Den Recken rief ein Greis*; узб. *Замонларнинг замонида... бир зolim подшаh бор еди. Бу подшаhнинг бир кизи бор еди*⁵ 'Во времена времен был (один) злой царь. У (этого) царя была (одна) дочь', или нем. *In den Zeiten von Zeiten war ein grausamer König. Der (dieser) König hatte eine Tochter*; каракалп. *Бурингы заманда бир гарры бар екен*⁶ 'Прежде жил (один) старик', или нем. *Es lebte einmal ein Greis*; гагаузск. *Бир авжы Хожайа бир тавшан гетурмиш*⁷ 'Один охотник для Хожа принес одного зайца', или нем. *Ein Jäger brachte für Hoža einen Hasen*; бурят-монг. *Танише нэгэ хүн һурана һэн*⁸ 'Вас спрашивал один (какой-то) человек', или нем. *Nach Ihnen fragte ein Mann*; халха-монг. *Нэг өдөр хэрээ нэг могой зуусан нисч явжээ*⁹ 'Однажды летала (одна) ворона, схватив зубами одну змею', или нем. *Einmal flog ein Rabe, mit den Zähnen eine Schlange ergreifend*; халха-монг. *Эрт урьд цагт нэгэн чоно замаар ороод явж байв гэнэ*¹⁰ 'В прежние времена один волк по дороге шел, говорят', или нем. *In den früheren Zeiten ging ein Wolf die Landstraße entlang, erzählt man*.

В приведенных примерах числительное *егу, бер (бир), нэг, нэгэ (нэгэн), ein* 'один' выполняет функцию неопределенного, а указательное местоимение *a (az), ул (сол)* 'тот', *бу* 'этот' — функцию определенного артикля.

Морфологический способ определенности характеризуется тем, что притяжательный аффикс 3-го лица ед. числа, присоединяясь к существительному, указывает на определенность предмета и утрачивает свое основное значение притяжательности. При этом неопределенность может быть выражена даже без артикля, например, халха-монг. *Туулай, үнэг хоёр байжээ. Туулай-нь ногоод иддэг, үнэг-нь тахиа хулгайлдаг билээ*¹¹ 'Заяц и лиса вдвоем жили. Заяц (то) жевал траву, лиса (то) кур воровала', или нем. *Es lebten ein Hase und ein Fuchs zusammen. Der Hase kaute Gras, der Fuchs stahl Hühner*; коми-перм. *Böröt муно́ нывка. Нывкаыслөн киас куд*¹² 'По лесу идет девушка. У (этой) девушки в руке лукошко', или нем. *Durch den Wald geht ein Mädchen. Das Mädchen (hielt) in der Hand einen Korb*; удм. *Гуждор вылын турынез чебер*¹³ 'На лужайке трава (то) красивая', или нем. *Auf der Wiese ist das Gras schön*; башк. *Мин карттан һораным: Гәлиан-ке кем була һуң?*¹⁴ 'Я спросил у старика: кто же (этот) Галиян?', или нем. *Ich fragte den Greis: wer ist denn der Galian?*; башк. *Урман-ы якшы бит, ошонда эзерләйек* 'Лес (то) хороший же. Давайте здесь заготовливать', или нем. *Der Wald ist ja gut, fällen wir hier*; мар. *Ик кува лиеш, ик кугыза лиеш; үдырышт лиеш. Ава-же вудлан кая, үдыр-жө чыра шелын коदेश*¹⁵ 'Одна баба была, один дед был. Дочь их была. Мать-то за водой идет, дочь-то, лучину раскалывая, остается'.

⁵ Nadi Zariif, Ozbek folklori, Toškent 1939, стр. 235.

⁶ Н. А. Баскаков, Каракалпакский язык, ч. II, Москва 1952, стр. 135.

⁷ Н. А. Арабаджи и др., Гагауз дили, Кишинев 1959, стр. 69.

⁸ Грамматика бурятского языка, Москва 1962, стр. 136.

⁹ Б. Х. Тодаева, Винительный падеж в современном монгольском языке. Ученые записки Института востоковедения, Москва 1947, стр. 369.

¹⁰ Б. Х. Тодаева, Грамматика современного монгольского языка, Москва 1951, стр. 178.

¹¹ А. Р. Ринчинэ, Краткий монгольско-русский словарь, Москва 1947, стр. 370.

¹² И. И. Майшев, Грамматика коми-пермяцкого языка, Москва 1940, стр. 26.

¹³ Грамматика современного удмуртского языка, Ижевск 1962, стр. 85.

¹⁴ М. Сагитов, Молодые силы (Сборник на башкирском языке), Уфа 1958, стр. 146.

¹⁵ Современный марийский язык. Морфология, Йошкар-Ола 1961, стр. 52.

Во всех приведенных примерах притяжательные аффиксы 3-го лица ед. числа халха-монг. *-нь* (в *туулай-нь* 'der Hase', *унэг-нь* 'der Fuchs'), коми-перм. *-ыс* (в *нывка-ыс-лән* 'des Mädchens'), башк. *-ы*, *-е* (в *урман-ы* 'der Wald' и *Галиән-е* 'der Galian' (имя соб.)), мар. *-же*, *-жө* (в *ава-же* 'die Mutter' и *йдыр-жө* 'die Tochter') указывают на определенность предмета. Существительные же халха-монг. *туулай* 'ein Hase' и *унэг* 'ein Fuchs', коми-перм. *нывка* 'ein Mädchen' являются неопределенными даже без неопределенного артикля.

Кроме того, в пермских языках в функции определенного артикля часто выступает и притяжательный аффикс 2-го лица ед. числа: коми-перм. *вöрын олс олш* 'в лесу жил один медведь', *олш-ыт öддöн ыджыт* 'медведь-то очень большой'¹⁶, или нем. *In einem Walde lebte ein Bär. Der Bär war groß*; удм. *Дубов-ед так но тодмо* 'Дубов-то и так известен', или нем. *Der Dubov ist ohnehin bekannt*.

В этих примерах притяжательные аффиксы 2-го лица ед. числа коми-перм. *-ыт* и удм. *-ед* — выполняют функцию определенного артикля.

Аналогичных примеров можно привести значительно больше, однако тот факт, что притяжательный аффикс 3-го лица в этих языках выполняет и функцию определенного артикля, не вызывает никакого сомнения.¹⁷

Типологическое сходство употребления определенного и неопределенного артиклей в западно-европейских и урало-алтайских языках, в свою очередь, свидетельствует о том, что тесно связанная с мышлением человека идея определенности и неопределенности предметов отражалась в сознании людей одинаково независимо от того, на каком бы языке они ни говорили и на какой бы стадии исторического развития ни находились.

В индо-европейском языкознании существует общепризнанное мнение о том, что артикль во всех языках представляет собой якобы последнюю стадию в процессе утрачивания словами своего самостоятельного значения¹⁸, и этот тезис механически переносится на алтайские языки. Тут дело заключается вовсе не в артикле как препозитивной или постпозитивной частице, а в самом понятии определенности и неопределенности. Способ же конкретного преломления этого понятия в разных языках может быть разным в зависимости от типологии.

Наконец, следует заметить, что сфера синтаксического типа определенности и неопределенности в урало-алтайских языках ограничена, так как артикли со значениями 'один' и 'тот' не выражают грамматических отношений, изменяясь по падежам, как это характерно для западно-европейских языков. Что касается морфологического типа определенности, то в урало-алтайских языках он выражает различные грамматические отношения между словами, как и артикль в западно-европейских языках.

Винительный неопределенный падеж. Урало-алтайские языки характеризуются наличием двух винительных падежей, управляемых переходным глаголом: 1) винительный определенный и 2) винительный неопределенный. Оба эти падежа исторически следует считать древними.

¹⁶ И. И. Майшев, указ. раб., стр. 26.

¹⁷ Б. А. Серебrenников, Историческая грамматика пермских языков, Москва 1963, стр. 129; П. Кокла, Притяжательные суффиксы в марийском языке. Автореф. дисс., Таллин 1963, стр. 35—36.

¹⁸ И. Н. Рамstedт, Введение в алтайское языкознание, Москва 1957, стр. 69—70.

В большинстве урало-алтайских языков винительный неопределенный падеж не имеет своей морфемы (аффикса) и внешне совпадает с именительным. Поэтому его часто обозначают термином «винительный неопределенный падеж», но с оговоркой, что он выражает неопределенность прямого дополнения. Этот термин явно не соответствует внутреннему содержанию рассматриваемого падежа.

Как известно, винительный неопределенный падеж употребляется в тех случаях, когда прямое дополнение является неопределенным. Точнее: прямое дополнение может стоять в винительном неопределенном падеже, когда оно находится непосредственно перед управляющим переходным глаголом и с фонологической точки зрения составляет с последним одно интонационное целое. При этом на прямое дополнение, стоящее в винительном неопределенном падеже, падает главное ударение, а на сказуемое — второстепенное. При отсутствии логически ударяемого слова во фразе в башкирском языке на неопределенном прямом дополнении голос достигает своего наивысшего подъема, который обычно называется вершиной интонации, например, башк. *Икенсе бригада бөгөн арыш ура* 'Вторая бригада сегодня рожь жнет'. В приведенной фразе сочетание *арыш ура* произносится одной интонацией и составляет одну динамическую группу, или синтагму. То же характерно и для удмуртского языка, ср. ту же фразу *Кыктэтй бригада туннэ зег ара*¹⁹, где сочетание *зег ара* тоже произносится одной интонацией без всякой внутренней паузы. Ср. также мар. *Плотник-влак пөрт чоҥаш каят*²⁰ 'Плотники дом строить идут', или башк. *Осталар йорт төзөргә баралар*, ср. коми-зыр. *ме ва вая* 'Я воду (вода) несу', или чув. *Эне шыв илсе килетен*, татар. *Мин су китерәм*. Во всех примерах прямое дополнение и управляющий глагол *пөрт чоҥаш*, *йорт төзөргә*, *ва вая*, *шыв илсе килетен*, *су китерәм* имеют одно интонационное целое.

При такой интонации прямое дополнение уже не может выделяться и принимать аффикс, поскольку, как справедливо замечает И. С. Галкин, основное внимание обращается на действие, при этом объект как бы включен в само действие.²¹

Правда, прямое дополнение может стоять и в винительном определенном падеже, находясь непосредственно перед управляющим глаголом. Но при этом интонационное единство нарушается: дополнение имеет свою интонацию (или ударение), а сказуемое — свою: татар. *Мин | икмәк-не | ашыйм* 'Я съем хлеб', или нем. *Ich esse das Brot*.

Если же прямое дополнение далеко от сказуемого, и, следовательно, не может составлять с ним одно интонационное целое, то оно обычно стоит в винительном определенном падеже; ср. приведенный выше пример: башк. *Арыш-ты бөгөн икенсе бригада ура*, или удм. *Зег-эз туннэ кыктэтй бригада ара* 'Рожь сегодня вторая бригада жнет'.

Кстати, на эту особенность употребления винительного определенного и неопределенного, а также родительного определенного и неопределенного падежей в тюркских языках указывал в свое время Ф. Г. Исхаков. Он, между прочим, писал, что безаффиксальные формы родительного и винительного падежей исторически связаны с категорией неопре-

¹⁹ Грамматика современного удмуртского языка, стр. 94.

²⁰ И. С. Галкин, Историческая грамматика марийского языка, Йошкар-Ола 1964, стр. 45.

²¹ Там же, стр. 45.

деленности, в предложении они могут употребляться только рядом с управляющими словами и при отдалении от последних другими словами принимают аффиксы соответствующих падежей.²² Однако упоминания об интонационном единстве при винительном неопределенном и родительном неопределенном падежах у Ф. Г. Исхакова мы не находим. Разумеется, это не его вина, а общая беда, заключающаяся в неразработанности тюркской акцентологии.

В монгольских языках условия употребления винительного неопределенного падежа в основном не отличаются от условий его употребления в большинстве других урало-алтайских языков. Однако монголисты в этом вопросе проявляют осторожность, предполагая, что опускание (?) аффикса винительного падежа «возможно, объясняется ролью интонации в живой речи».²³ В таких сочетаниях, как халха-монг. *бичиг бичих* 'письмо писать', *тариа тарих* 'хлеб сеять', *мах чанах* 'мясо варить', *гал тулэх* 'огонь разводить', *мод цавчих* 'дерево рубить'; бурят-монг. *сай ууха* 'чай пить', *бэшэг бэшэхэ* 'письмо писать', *гал аһааха* 'огонь разводить',²⁴ интонационное единство управляющего глагола и прямого дополнения в винительном неопределенном падеже не подлежит сомнению.

Но в монгольских языках есть другая особенность употребления винительного неопределенного падежа. Так, например, в бурят-монгольском языке все слова, оканчивающиеся на *-η*, находясь перед управляющим глаголом и образуя с последним одно интонационное целое, в винительном неопределенном падеже утрачивают это *-η*, например, бурят-монг. *модоη* 'дерево, лес', но *модо отолхо* 'лес рубить'; *хониη* 'овца', но *хони хааха* 'овцу доить'; *мориη* 'лошадь', но *мори тахалха* 'лошадь подковать'; *тоһоη* 'масло', но *тоһо гаргаха* 'масло сбивать'; *уһаη* 'вода', но *уһа ууха* 'воду пить'; калмык. *мөрη* 'лошадь', но *мөр зүүх* 'лошадь запрягать'.

В винительном определенном падеже конечное *-η* также утрачивается. Но вместо этого выступает аффикс винительного определенного падежа *-ыйы, -ийе* (орф. *-ые, -ие*): бурят-монг. *мод-ые отолхо* 'рубить (определенный) лес', *хони-ие хааха* 'доить (определенную, известную) овцу' (из более древнего *мод-ыгы, хон-иги*).

Из этого следует, что конечный элемент *-η* в монгольских языках является древним показателем неполной определенности с артиклевым значением. Это видно хотя бы из того, что элемент *-η* утрачивается также и в тех случаях, когда имена с конечным *-η* принимают аффиксы множественного числа, поскольку множественность также связана с понятием неопределенности; например, бурят-монг. *мори-η* 'лошадь', но *мори-д* 'лошади'; *хони-η* 'овца', но *хони-д* 'овцы'; *ямаа-η* 'коза', но *ямаа-д* 'козы'; *яһа-η* 'кость', но *яһа-д* 'кости'.

То же самое следует сказать и об именах с конечным элементом *-η* в тунгусо-маньчжурских языках, в частности в эвенкийском, в котором конечное *-η* утрачивается во множественном числе; эвенк. *ороη* 'олень', но *оро-р* 'олени'; *нуһакаη* 'ребенок', но *нуһака-р* 'дети'.

Таким образом, древний монгольский (и тунгусский) суффиксированный показатель определенности *-η* ведет себя так же, как элемент *-n* в группе слов типа *der Falke, der Falken* 'сокол' в немецком языке, в

²² Ф. Г. Исхаков, Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. II. Сб. под ред. проф. Н. К. Дмитриева, Москва 1954, стр. 119—120.

²³ В. Х. Тодаева, Винительный падеж в современном монгольском языке. — Ученые записки Института востоковедения АН СССР, стр. 373.

²⁴ Грамматика бурятского языка, стр. 82—83.

котором конечное *-n* при определенном артикле является факультативным, а при неопределенном артикле обязательно отсутствует, например, *ein Falke*, но не *ein Falken*. Это естественно, так как конечное *-n* в немецком языке является остатком древнего постпозитивного суффиксированного артикля скандинавского типа. В системе немецкого склонения это конечное *-n* совершенно утратило теперь свое артиклевое значение и превратилось в обычное окончание преимущественно у существительных слабого склонения, так как в немецком языке развился новый препозитивный определенный артикль.

В монгольских языках конечное *-ŋ* в системе имен существительных и числительных ведет себя по-разному. Поэтому в отличие от устойчивого (твердого) конечного *-n* его считают неустойчивым, или скрытым, *-ŋ*. Но так как природа грамматической определенности и неопределенности в монгольских языках до сих пор окончательно не выяснена, то монголистика с этим неустойчивым конечным *-ŋ* фактически пришла в тупик, что признают даже сами монголисты.²⁵ Однако тот факт, что конечный элемент *-ŋ* в монгольских языках является древним показателем определенности, не вызывает сомнения.

Аффиксальный винительный неопределенный падеж. В некоторых тунгусо-маньчжурских языках, в частности в эвенкийском и его диалектах, винительный неопределенный падеж имеет специальный аффикс, как и в якутском (см. ниже). Его аффиксами являются *-a*, *-o*, *-ə* для существительных во множественном числе и для имен, оканчивающихся на *-n*; для других основ в единственном числе служат аффиксы *-йа*, *-йо*, *-йэ* (орф. *-я*, *-ё*, *-е*).

Но сфера употребления винительного неопределенного падежа в эвенкийском языке ограничена. По мнению тунгусоведов, он употребляется обычно с глаголами будущего времени, в отрицательной форме и повелительном наклонении, а также в тех случаях, когда прямое дополнение представляет собой часть целого, или же когда оно стоит во множественном числе;²⁶ примеры: *Нуһан дукувун-а дукудяһан* 'Он письмо напишет', *Пурта-я экэл гара!* 'Нож не бери!', *Му-е уһкурэн* 'Воды налил', *Минһи гиркив книгал-а эмэвгин* 'Мой товарищ книги пусть принесет'.

Если же противопоставить эвенкийский винительный определенный и неопределенный падежи, то существительное, употребляемое в функции прямого дополнения впервые, ставится в винительном неопределенном, а при повторном употреблении — в винительном определенном падеже; например, *Этыркэн гунэн: ороно тэпукэл. Хутэн оронмо тэпурэн*²⁷ 'Старик сказал: оленя закололи. Его сын оленя заколол', или нем. *Der Greis sagte: stich einen Hirsch ab. Sein Sohn stach den Hirsch ab.*

Эвенкийский винительный неопределенный падеж семантически взаимосвязан с формой глагола, как и приглагольные генитив и партитив в прибалтийско-финских языках. Так, например, в эстонском языке приглагольный генитив выражает определенность, а приглагольный партитив — неопределенность.²⁸ Но понятие определенности и неопределенности при этом больше отражается в сфере переходного глагола, чем

²⁵ Г. Д. Санжеев, Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I, Москва 1953, стр. 143.

²⁶ О. А. Константинова и Е. П. Лебедева, Эвенкийский язык, Москва—Ленинград 1953, стр. 52—53.

²⁷ О. А. Константинова, Эвенкийский язык, Москва—Ленинград 1964, стр. 49.

²⁸ А. Валмет, Семантические функции партитива в эстонском языке. — Вопросы финно-угорского языкознания, Москва—Ленинград 1964, стр. 97—100.

в сфере прямого дополнения (имени). Поэтому когда прямое дополнение стоит в генитиве, переходный глагол в настоящем времени имеет значение будущего времени совершенного вида, а в партитиве — значение настоящего времени: например, эст. *Ma söön leiva* (генитив) 'Я съем хлеб', или нем. *Ich esse das (ganze) Brot*, но эст. *Ma söön leiba* (партитив) 'Я ем хлеб', или нем. *Ich esse Brot* (примеры из записей П. Аристэ). То же характерно и для имперфекта переходного глагола: при генитиве он имеет значение совершенного, а при партитиве — несовершенного вида: эст. *Õpilane luges raamatu läbi* (ген.) 'Ученик прочитал книгу', но *Õpilane luges raamatut* (партитив) 'Ученик читал книгу'²⁹; финск. *Minä luin kirjaa* (партитив) 'Я читал книгу', но *Minä luin kirjan* (акк.) 'Я прочитал книгу'³⁰. В тюркских языках несовершенство действия часто требует винительного неопределенного, а совершенность — винительного определенного падежа: татар. *Мин китап укыдым* 'Я читал книгу' (уже известную), но *Мин китап-ны укып чыктым* 'Я прочитал книгу

Что касается аффиксального винительного неопределенного падежа (партитива) в якутском языке, то он употребляется только с глаголами повелительного наклонения: якутск. *уу-та бас!* 'Воды начерпай!' *Мас-та керт* 'Дров наруби'.³¹ Но в якутском языке есть также и безаффиксальный винительный неопределенный падеж, как и в эвенкийских диалектах: якутск. *Мин ат аһаттым*³² 'Я накормил коня (или коней вообще)', эвенк. (диал.) *Нуһан улуки взэрэн*³³ 'Он белку убил'. Это явление нельзя считать влиянием якутского языка на соседние эвенкийские диалекты, поскольку безаффиксальный винительный неопределенный падеж является общеурало-алтайским наследием. Этот падеж характерен также для прибалтийско-финских и мордовских языков. Так, в эстонском он употребляется: 1) с глаголами повелительного наклонения, например, *Osta raamat!* 'Купи книгу!', 2) когда не известно действующее лицо, например, *Osteti raamat* 'Купили книгу', 3) когда прямое дополнение стоит во множественном числе, а количество предметов неизвестно, например, *Ma ostsin raamatud*³⁴ 'Я купил книги'; ср. эрзя-морд. *Мон сёрмадан сёрма* 'Я пишу (напишу) письмо', мокша-морд. *Мон кяронь шуфта* 'Я рубил (срубил) дерево'.³⁵

В грамматиках эстонского и мордовских языков безаффиксальную форму прямого дополнения в приведенных примерах принято считать именительным падежом. Однако то, что в этих примерах прямое дополнение связано с понятием неопределенности и соответственно стоит в винительном неопределенном падеже, является очевидным.

²⁹ Э. Пялль, Учебник эстонского языка, Таллин 1955, стр. 40.

³⁰ Грамматика финского языка, Москва 1958, стр. 79.

³¹ Л. Н. Харитонов, Современный якутский язык, Якутск 1947, стр. 107.

³² Там же, стр. 109.

³³ О. А. Константинова и К. П. Лебедева, указ. раб., стр. 51.

³⁴ Э. Пялль, указ. раб., стр. 36.

³⁵ М. Н. Коляденков, Структура простого предложения в мордовских языках, Саранск 1959, стр. 278.

ÜBER DIE GRAMMATISCHE KATEGORIE DER BESTIMMTHEIT UND UNBESTIMMTHEIT IN DEN URAL-ALTAISCHEN SPRACHEN

In den ural-altaischen Sprachen ist diese grammatische Kategorie sehr vielseitig und stellt ein außerordentlich kompliziertes Bild dar, das nur in dem Falle geklärt werden kann, wenn die grammatischen Erscheinungen der erwähnten Sprachen als ein einheitliches System betrachtet werden, ohne die ural-altaischen Sprachmodelle den westeuropäischen zu unterstellen.

Außer der syntaktischen Ausdrucksweise der Bestimmtheit und Unbestimmtheit des westeuropäischen Typus, ist für die ural-altaischen Sprachen ebenfalls der morphologische Typus der Bestimmtheit und Unbestimmtheit kennzeichnend. Dieser Typus besteht darin, daß die Possessivpronomenaffixe der 3. Person (in den permischen Sprachen auch der 2. Person) Singular auf die Bestimmtheit deuten; dabei wird die Unbestimmtheit sogar ohne Artikel ausgedrückt. Außerdem sind in den ural-altaischen Sprachen zwei Akkusative vorhanden: 1) der unbestimmte Akkusativ und 2) der bestimmte Akkusativ.

Die Tatsachen der ural-altaischen Sprachen widerlegen die These einiger Sprachforscher über die Unentwickeltheit des Artikels in den ural-altaischen Sprachen. Im Grunde genommen handelt es sich hier nicht um den Artikel, zu dem es früher eine engere kontextuelle Einstellung vom Standpunkt der westeuropäischen Sprachen gab, sondern um die Bestimmtheits- und Unbestimmtheitsidee überhaupt, die in den Sprachen verschiedener Typologie grammatikalisch ihre verschiedenartige Widerspiegelung findet.